

© 1996 г.

Л.В. БАБАЕВА, Е.Я. ТАРШИС, Л.А. РЕЗНИЧЕНКО

ЭЛИТА РОССИИ: О НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ СТРАНЫ

Авторы работают в Институте социологии РАН. ПАНАЕВА Лилия Васильевна - кандидат философских наук, старший научный сотрудник. ТАРШИС Ефим Яковлевич - кандидат философских наук, старший научный сотрудник, также в Институте проблем занятости РАН и Минтруда РФ РЕЗНИЧЕНКО Леонид Ананьевич - старший научный сотрудник.

Исследование особенностей сознания различных элитных групп ставит своей основной целью научный проект, осуществляемый сотрудниками Института проблем занятости РАН и Минтруда РФ и Института социологии РАН под руководством чл.-кор. РАН К.И. Микульского. В данной статье отражены концептуальный к методологический подходы авторов к исследованию российской элиты.

Исследование осуществляется при поддержке Российского государственного научного фонда.

Проведенные к настоящему моменту эмпирические исследования элиты в России, в принципе, можно разбить на три группы. *Первая* — работы, ориентированные на выявление места элиты в социальной структуре и на анализ состава элиты: классификацию основных групп элиты, описание биографий представителей элиты, выявление их социальных «корней» и способов попадания в элиту.

Исследования *второй* группы ориентированы на изучение и монографическое описание какой-то определенной, конкретной группы элиты.

Исследования *третьей* группы ориентированы на выявление воздействия российской элиты на трансформацию современного российского общества, в них значительное внимание уделяется анализу сознания элиты, мотивации поведения ее членов.

В качестве методов сбора данных при изучении элиты используют как формализованное, так и неформализованное интервью. Однако методики неформализованного интервью, описание техники обработки результатов опроса и анализа в развернутом виде, как правило, пока не публикуются. Можно предположить, что это связано со сложностью метода, который требует значительных затрат времени на анализ собранной информации.

Уже в ходе разработки плана интервью нами решено использовать нетипичный для экспертных опросов вопросник. Он разрабатывался скорее как ориентир, задающий респонденту требуемый уровень глубины и рефлексивности рассуждения, и рассчитан не столько на получение однозначных, сопоставимых ответов, пригодных для последующей обработки, сколько на максимальное «раскрепощение рефлексии», на то, чтобы в ходе интервью спровоцировать респондента на собственное импровизированное мини-исследование затронутых проблем. Мы старались достаточно глубоко детализировать каждый вопрос так, чтобы респондент не мог ограничиться односложными общими ответами, чтобы побудить респондента максимально отрефлексировать его собственные представления, задуматься над обоснованием и следствиями каждого суждения, их связью друг с другом, задействовать все свои идеологические и теоретические ресурсы. Кроме того, предполагалось, что само предложение поразмыслить над подобным вопросником станет для респондента — представителя элиты — своеобразным «вызовом» и тем самым поможет добиться как его согласия на интервью, так и необходимого для наших целей уровня вовлеченности и интеллектуальной активности при ответах на вопросы.

Объем плана интервью значительно превысил объем полевого документа, обычно практикуемого в экспертном опросе. Уже первые интервью показали, что диапазон получаемой информации значительно превосходит то, что обычно относят к экспертным оценкам. Многие респонденты подробно излагали и аргументировали свои точки зрения, что давало возможность детально анализировать их представления и установки. Возникла реальная возможность рассматривать личность респондента, исследовать его как субъект социального действия. Из эксперта наш респондент превращался в объект изучения. Это расширило возможности исследования, позволило уточнить его концепцию и поставить более сложные задачи. В информации о том, как видит элита настоящее и будущее России, какие она видит возможные способы перехода от настоящего к будущему, какие из этих способов предпочитает, в выводах из этой информации в той или иной мере просматриваются принципиальные черты самой элиты, ее интересы и возможности, перспективы ее собственной эволюции.

Но при данном подходе возникают новые теоретические и методические проблемы, связанные как с концепцией проекта, так и с методикой сбора и обработки информации. По мере реализации проект все больше принимает пионерский, пилотажный характер: он отличается и от традиционного экспертного опроса, и от обычного социологического или социально-психологического изучения социальных групп, когда выявление установок и представлений респондента целиком относится к задачам исследователя и переносится на стадию вторичного анализа. В нашем случае необходимо добиваться того, чтобы с помощью вопросника и процедуры интервью сами рес-

понденты, по возможности выполняли экспликацию и вербализацию собственных представлений. Учитывая статус и другую специфику наших респондентов, их высокую «индивидуальную значимость» и, соответственно, «штучный» характер исследования, такой подход показался нам не только правомерным, но и особенно плодотворным. Однако отметим, что расчеты на рефлексию респондентов оправдались далеко не во всем, и задачи вторичного анализа материалов интервью от применения такой методики не стали легче. Но зато была получена ценная дополнительная информация об уровне и характере рефлексии респондентов.

Теория элиты — обширная область исследований, созданная усилиями главным образом социальных философов, социологов, политологов и экономистов. Здесь существуют десятки концепций, анализ которых возможен лишь в специальных работах. Причем такого рода анализ сопряжен со значительными методологическими трудностями, так как различными авторами понятие элиты трактуется по-своему, а одни и те же термины используются для обозначения различных понятий.

В рамках проекта мы ограничили свою задачу: на основы выборки литературы из составленного нами списка в 140 названий мы попытались выделить наиболее распространенные признаки, входящие в определения элиты, чтобы получить рабочее определение и использовать его при разработке концепции проекта.

1. Элита — необходимый элемент социальной структуры общества. Часто элита противопоставляется массам, «внеэлитным группам». При этом отношению «элита — массы» часто придается фундаментальное, даже системообразующее значение. Так, по мнению У. Корнхаузера и Дж. Рекса «тип связи определяет тип общества».

2. Основная функция элиты заключается в управлении обществом (понимаемом, впрочем, достаточно широко). Точнее, видимо, говорить об «управлении функционированием общества», включая сюда самые разнообразные управляющие воздействия, как целенаправленные, так и «невольные», являющиеся своего рода побочным продуктом функционирования различных групп элиты (например, создание примеров — образцов социального поведения, которым следуют внеэлитные группы). Некоторые ученые, впрочем, сводят все к управлению массами.

3. Члены элиты, как правило, должны обладать высокой интенсивностью социальных и психологических качеств, что может определяться происхождением и/или обучением.

4. Среди качеств, присущих элите, в современном обществе наибольшее значение имеют властные возможности, богатство, знания, профессиональные умения, социальное положение (статус, престиж).

5. Члены элиты обычно обладают яркой индивидуальностью и являются самостоятельными персонифицированными субъектами социального действия.

6. Элита (или элиты) представляют собой референтную группу как для индивидуальных представителей элиты, так и для внеэлитных групп («масс» или каких-то отдельных слоев и групп общества, не принадлежащих к элите). Это определение вводит Дж. Сартори: термин «элита», выражая идею «достойный избрания», указывает тем самым на референтную группу и именно ценностную референтную группу. Иными словами, совокупность качеств, присущих элите, составляет ценностный образ, на который ориентируются как сами представители элиты, так и другие члены общества.

7. Представители (члены) элиты занимают высшие уровни социальных иерархий, причем эти иерархии могут быть образованы по различным признакам (власть, богатство, интеллект и др.).

8. Представители элиты обычно признаются в современном обществе высшей или лучшей частью той или иной социальной группы, класса.

9. Состав каждой группы элиты с точки зрения качеств входящих в нее индивидов неоднороден, последние могут быть ранжированы по «элитности» (значимости, интенсивности обладания определенными качествами). Высшее положение занимают лидеры (политические, экономические, научные и т.п.).

10. В современном обществе сфера социальной деятельности, а не происхождение индивида часто имеет решающее значение при определении его места в элите (или при отнесении к элите).

11. Положение члена элиты в иерархии элиты (группы элиты) определяется как его статусом в соответствующей группе элиты, так и его связями, отношениями с той внеэлитной социальной группой, которую он представляет, чьи интересы отражает или из «рядов» которой «вышел». Эта связь может основываться на происхождении, национальности, конфессии, профессии, «отстаивании интересов» и др.

12. В современном обществе возможны не только «вертикальный путь» в элиту (восхождение из внеэлитных групп в элиту), но и перемещения из одной группы элиты в другую (из научной элиты в политическую и т.п.). Мобильность, обновление групп элиты и смешение различных групп элиты также характерная черта современного общества.

13. Элита общества (страны) представляет собой сложно структурированное социальное образование, составленное из различных групп элиты (элит). Различные группы элиты могут быть ранжированы по степени значимости, важности в обществе.

Дж. Сартори считает, что для «выделения» элиты первостепенное значение имеют два критерия: альтиметрический и качественный. Первый означает, что элита (по Дж. Сартори, «контролирующее меньшинство общества», или «контролирующая группа») «является таковой потому, что располагается—по вертикальному разрезу строения обществ — наверху». Второй критерий указывает на социальные качества элиты. По существу, Сартори синтезирует подходы основоположников теории элит Моски и Парето.

Однако, с точки зрения задач нашего проекта, мы считаем необходимым добавить еще несколько критериев определения и внутренней дифференциации элиты.

Во-первых, необходимо ввести эксплицитно критерий причастности к управлению обществом, степени такой причастности и характера участия в управлении (непосредственного или опосредованного).

Во-вторых, элита само по себе сложное образование. Именно поэтому многие исследователи предпочитают говорить не об элите, а об элитах, особенно если речь идет о современном обществе.

Обобщая многообразие приведенных выше признаков элиты и указанных критериев, мы предлагаем следующее определение элиты: элита общества— это социальный слой, обладающий таким положением в обществе и такими качествами, которые позволяют ему управлять обществом, либо оказывать существенное воздействие на процесс управления им, влиять (позитивно или негативно) на ценностные ориентации и поведенческие стереотипы в обществе и, в конечном счете, более активно, результативнее, чем все другие слои, участвовать в формировании тенденций развития общества, возникновении и разрешении социальных конфликтов, одновременно обладая гораздо большим, чем другие группы, суверенитетом в формировании собственного положения, в выборе своей групповой ориентации по основным общественным проблемам.

Предмет нашего анализа прошел стадию нескольких уточнений. Первое связано с переходом от техники экспертных оценок к технике интервью. Второе уточнение предполагало ориентацию на более глубокое проникновение в сознание целевой популяции. Было решено рассмотреть не только то, как элита оценивает настоящее России и ее представления о будущем, но и способы рефлексии над настоящим и будущим и осмысление перехода от настоящего к будущему — то, что иногда называют «менталитетом» российской элиты.

Однако термины «ментальность» и «менталитет» хороши в философских и публицистических текстах, когда проблема измерения ментальности даже не ставится. Социологам и социальным психологам приходится обращаться к более прозаическим и конкретным предметам. При этом под менталитетом понимают или нечто, из чего состоит сознание (его содержание), или определенную особенность сознания, причем

не вербализуемую и не осознаваемую ее носителями. В таком аспекте говорят о менталитете, например, различных народов или социальных групп. Но ведь особенность содержания сознания связана с организацией этого содержания (элементами сознания и связями между ними). Следовательно, второй случай лишь частный вариант первого. Поэтому вопрос о менталитете — это вопрос о структуре содержания сознания.

Таким образом, изучая сознание элиты, мы будем иметь дело с вполне конкретными объектами, представлениями, суждениями и ориентациями. Содержание сознания элиты, естественно, отражает культурные особенности народа и особенности исторического развития самой элиты.

Предмет нашего исследования — это срез, или часть сознания российской элиты, содержащая представления о настоящем России (и оценку этого настоящего); способы рефлексии или мысленной трансформации настоящей ситуации в будущую ситуацию России; представление о будущих состояниях России и оценки этого будущего. Иначе говоря, нас интересует, как элита трансформирует образ настоящего России и образ (образы) будущего России. При этом содержание образов и способы рефлексии должны быть зафиксированы достаточно подробно. Сознание элиты в этом диапазоне, в котором она оперирует категориями, адекватными нашему предмету анализа, можно назвать «текстом сознания» элиты (точнее, фрагментом такого текста). Разумеется, уместна и более широкая трактовка текста сознания: как содержания сознания, представленного в виде текста: слов, суждений и других ярусов — единиц содержания, правил их объединения и трансформации. В свою очередь текст сознания создается на основе некоторого архетипического текста (или прототекста) сознания: набора категорий сознания и правил оперирования ими. Можно предположить, что менталитет, по существу, и есть этот «прототекст сознания».

Таким образом мы имеем дело с определенной иерархией текстов (содержаний текстов): текстом интервью, текстом сознания и прототекстом, зафиксированным в вербальном тексте респондента. Наш аналитический процесс состоит в том, чтобы на основе текста интервью проникнуть в содержание текста сознания. В таком случае цепочка аналитических процедур состоит из следующих операций: фиксация текста интервью — трансформация текста интервью в текст высказываний респондента — трансформация текстов высказываний респондента в текст сознания респондента.

Каждая из названных аналитических операций должна быть представлена как процедура анализа, удовлетворяющая соответствующим критериям надежности. К сожалению, техники таких процедур пока не существует. Поэтому нам лишь остается хотя бы кратко описать специфику перечисленных выше текстов.

Текст интервью — это продукт взаимодействия интервьюера и респондента. Его трансформация в текст высказываний респондента должна в максимальной степени учесть воздействие интервьюера на содержание ответов респондента. Трансформация же вербального текста респондента в текст сознания респондента в свою очередь должна в максимальной степени учесть специфику ситуации опроса и ее воздействия на ответы респондента (его состояния, состояния дел в сфере его работы и др.). Конечно, учет специфики личности респондента также имеет существенное значение для получения надежной аналитической информации.

Интервью считается достаточно чутким инструментом изучения сознания респондента. Однако элита — особая категория. А в нашем случае и вопросы, задаваемые ее представителям, особые, и социальная дистанция, отделяющая респондента от интервьюера — огромная. Поэтому и отношение члена элиты к интервью бывает самым различным. В идеальном случае, как уже говорилось, лучше использовать несколько техник сбора данных — не только интервью, но и статьи респондентов и другие их тексты, иначе говоря, формировать социальный корпус данных о каждом респонденте, превращая анализ такого корпуса данных, по существу, в монографическое исследование. Как элита представляет собой определенный элемент общества

(т.е. целостное образование), и сознание элиты как элемента общества целесообразно рассматривать как нечто целое — не как совокупность сознаний, а как социальный феномен, чья структура определяется не только социально-демографическими признаками представителей элиты, но и особенностями самого ее сознания. Это «совокупное» сознание можно назвать «полем сознания», предполагая, что оно имеет определенный диапазон, структуру. Вместе с тем, такой подход к сознанию элиты предполагает, что релевантность аналитической информации определяется не только процедурами сбора, обработки и анализа данных, но и выборочной процедурой. Строго говоря, во многих случаях изучения элиты следует говорить не о репрезентативности выборки респондентов (представленности состава элиты), а о репрезентативности выборки сознания (сознаний), обеспечивающей представительство всего поля сознания элиты или изучаемых групп элиты. В нашем исследовании мы, однако, не будем различать такого рода тонкости, поскольку у нас пока вообще нет информации о диапазоне поля сознания элиты.

Второй момент, который целесообразно отметить в связи с обсуждением проблем анализа сознания элиты, — это сходства и различия в содержании сознания групп элиты. Ведь во многом единство и раскол элиты общества объясняются различиями в сознании ее членов. Этот момент подводит нас к теме о принципиальных возможностях и путях анализа эмпирической информации. Наиболее оптимальный путь — это анализ сознания элиты именно как поля сознания, т.е. в целом. Такой подход предполагает анализ большого количества переменных, что не реально, так как упирается в отсутствие соответствующей техники анализа. Второй, паллиативный, вариант — анализ сознания отдельных групп элиты и сравнение таких результатов (что, впрочем, также требует единой методики анализа). Третий, еще более паллиативный, вариант состоит в сопоставлении данных не в целом, в рамках принятой методики исследования (в нашем случае программы интервью), а лишь по отдельным ее темам, фрагментам.

Теоретическая цель проекта состоит в изучении программирующей функции элиты: как элита программирует стратегическое развитие общества? Как такие стратегические программы трансформируются в тактические? Как стратегические и тактические программы представлены в оперативном руководстве обществом?

Предметом программирующей деятельности элиты может быть достаточно общее и расплывчатое будущее страны, а могут быть более частные, но более конкретные предметы: государственное устройство, семейные отношения и т.п. Однако при всей специфике предметов, которая, естественно, должна детально изучаться, есть и общее во всех таких случаях. Необходим анализ тех представлений, или образа настоящего, которым обладает элита, способа рефлексии об этом настоящем, источников формирования образа. Далее необходимо выявить, какие представления о будущем есть у элиты, и откуда они появились. Далее можно выяснить, как образ настоящего трансформируется в образ будущего.

Такова самая грубая схема. Но независимо от ее детализации существует проблема, относящаяся к содержательной (не языковой, речевой) ткани образов как элементов сознания элиты. Образ — это комплекс социальных представлений. Однако пока нет какой-либо развитой теории социальных представлений и в каждом случае необходимо создавать свои рабочие конструкции.

Разумеется, концепция программирования социальной деятельности общества требует гораздо больших знаний и о структуре российской элиты, и о различного рода ее связях с другими группами общества.

Методическая цель проекта состоит в том, чтобы найти подход к анализу текстов интервью, сформулировать принципы формализованного, количественного и качественного анализа таких текстов и создать методику интервьюирования, максимально способную фиксировать, точнее, создавать условия для реконструкции текста сознания респондента.

Разработка принципов организации сбора данных, их введение в ЭВМ и анализа на ЭВМ также можно рассматривать как существенную цель проекта. Особое значение при этом, несомненно, имеет разработка методики опроса, в том числе и требование к работе интервьюеров.

Прагматическая цель или цель анализа материалов интервью состоит в том, чтобы изучить, как российская элита реализует функцию программирования социальной деятельности. В нашем случае предмет этой функции ограничен переходом от сегодняшней ситуации России, сегодняшнего состояния российского общества к будущей ситуации. Такое изучение, по нашему предположению, дает возможность оценить элиту России как наиболее важный в настоящее время субъект социального действия на исторической сцене России.

В задачи анализа входило:

1. Описать представления элиты о состоянии российского общества (в рамках принятых параметров анализа);
2. Описать представления элиты о ближайшем будущем России (в диапазоне 10—15 лет), обращая внимание на существование различных вариантов будущего.
3. Рассмотреть способы рефлексии элиты над настоящим и будущим России.
4. Описать способы анализа элитой трансформации настоящего состояния российского общества в будущее состояние (наличие вариантов развития, проблемы взаимоотношений субъектов социального действия, проблемы развития и характер перехода — конфликтный, неконфликтный).
5. Выявить диапазон сходства и различий между рассматриваемыми в исследовании группами элиты в рамках параметров анализа, используемых в задачах 1—4.
6. Оценить способность к программированию социальной деятельности в рамках содержания представлений о настоящем и будущем и рефлексивной деятельности (оценок, логики рассуждений).
7. Выявить варианты реализации элитой программирующей функции и соответствующие варианты изменения российского общества. Иначе говоря, пытаться представить, как функциональные способности элиты могут повлиять на ближайшее будущее российского общества.

Основная, или нулевая гипотеза состоит в том, что программирующая функция осуществляется элитой неэффективно.

Можно говорить о нескольких формах программирующей деятельности: наблюдения и надзора за состоянием программ, корректировки программ, введения новых элементов в программы, создания новых программ. Российская элита, по существу, пытается одновременно заниматься всеми указанными формами, а поскольку теми или иными формами занимаются различные группы элиты, то в результате деятельность программирования носит хаотический характер. Второй существенный момент гипотезы состоит в том, что программирующая деятельность не связана какими-то четко осознанными связями с деятельностью по принятию решений.

Правомерно выдвинуть и контргипотезу: определенная группа российской элиты очень квалифицированно осуществляет программирование и практическое руководство страной, а тот хаос, который наблюдается в жизни России, — хаос запланированный, он нужен этой группе для достижения своих стратегических целей, например, овладения большими «кусками» государственной собственности. Разумеется, проверка такой гипотезы выходит за рамки настоящего исследования, однако вряд ли можно ожидать, что эта гипотеза имеет под собой реальное основание. Россия пережила много социальных катастроф, и состояние хаоса было характерно для многих периодов ее истории. Вряд ли за такими катастрофами стояла всегда какая-то группа элиты. Можно, напротив, предполагать, что как раз состояние элиты и предопределяло возникновение таких катастроф.

Представления элиты о настоящем и будущем России нечетки, аморфны, плохо структурированы. У элиты нет многомерного представления о социальной ситуа-

ции, обычно ее члены «замкнуты» на одной сфере жизни или одной проблеме, которые связаны или с их профессиональной деятельностью, или с их текущим интересом.

В настоящем России элита чаще всего выделяет те явления и проблемы, которые лежат на поверхности, выражены в событиях, и не обращает внимания на причины событий, коренные проблемы российской современности. Поскольку элита не глубоко проникает в настоящее, она имеет весьма схематичное представление и о будущем. Будущее представлено в сознании как воплощение какой-то идеи, схемы. Кроме того, это будущее очень похоже на настоящее, по крайней мере в том, что оно основано на идее. Главное — найти идею и воплотить ее. Организация жизни во всей сложности, по-видимому, не является главным, по мнению элиты.

Отрекшись, по крайней мере на словах, от старых идеологических клише, современная российская элита не смогла создать или ввести в свое сознание новые идеологемы, столь же сильные по своему эмоциональному заряду. По сути речь может идти лишь о нескольких плохо артикулированных клише: «Будем как все»; «Мы ни на кого не похожи, у нас свой путь»; «Социальная экономика, экономика с человеческим лицом решит все наши проблемы». Образ будущего не только не ясен, но и не четок, лишен красок и не привлекателен. Катастрофическое и неясное будущее — вот гипотетическое представление о сознании элиты.

Можно предположить, что качество рефлексии значительной части элиты не лучше качества ее представлений о настоящем и будущем.

Сам аппарат рефлексии, или то, что мы назвали выше архетипическим текстом сознания, должен проявиться в интервью очень слабо. Речь может идти о нескольких категориях, организованных по типу дихотомического противопоставления. Попытки обращения к научным методам анализа даже у ученых будут, скорее всего, носить лишь эпизодический характер. Если это подтвердится, то данное обстоятельство будет означать, что общественные науки в глазах элиты дискредитировали себя, так же, как и в глазах народа, или что этот аппарат в сознании даже научной элиты живет как бы собственной жизнью, в отрыве от попыток понимания реальных проблем.

Принципиальные расхождения между различными группами элиты с наибольшей вероятностью могут обнаружиться в двух вопросах: отношения собственности и форма государственного правления. При этом представления бизнес-элиты и журналистов о настоящем и будущем России будут значительно более четкими, чем представления политической элиты и ученых. Психологические особенности респондентов могут быть значительно более важным фактором различий, чем их групповая принадлежность.

Можно предположить, что в способах рефлексии (о настоящем и будущем и о переходах настоящего в будущее) серьезных различий вообще не обнаружится. Если это подтвердится, то можно говорить об отсутствии достаточного разнообразия в рефлексивной деятельности элиты.

Методика исследования включает три основных элемента: систему параметров и категорий анализа, трансформированных в вопросы плана интервью, процедуры опроса и методики формализованного анализа, которая пока не существует. Замысел процедуры исследования состоит в том, чтобы модель предмета анализа была спроектирована на текст сознания респондента в процессе свободной беседы. В результате предполагается собрать материал для моделирования конструкции, в которой фиксировались бы когнитивные элементы сознания респондентов, релевантные предмету анализа, в их сочетании с рефлексивными элементами. При этом нас интересует виртуальная модель — способ и стадии ее порождения в сознании респондента. Такой подход к анализу предполагает, что перечень параметров и категорий анализа, вообще говоря, должен быть значительно больше, чем тот, что реально составляет предмет анализа.

В наиболее укрупненном и нерасшифрованном виде категориальная модель предмета анализа может быть представлена в виде трех блоков:

Настоящая Россия (историческая ситуация в России)	Способы перехода от настоящего России к будущему России	Будущая Россия (через 10—15 лет)
---	---	-------------------------------------

Представленная схема была воплощена в следующие параметры анализа:

1. Общая оценка исторической ситуации России.
2. Отношения собственности.
3. Управление обществом.
4. Национально-государственные отношения.
5. Социальные отношения и конфликты.

На втором уровне операционализации базовая схема предмета анализа описывается следующими параметрами и категориями:

I. Общая оценка современной ситуации в России.

1. Тип протекающего исторического процесса.
2. Аналитические возможности настоящей исторической ситуации для прогноза будущего России.
3. Выбор между капитализмом и социализмом, поиск «третьего пути».
4. Базовый («коренной») элемент исторической ситуации.
5. Факторы альтернативности развития российского общества.

II. Отношения собственности.

1. Многообразие субъектов собственности, их фактическая роль в контроле над собственностью.
2. Государственная собственность и контроль над ней.
3. Роль государства в акционерной собственности.
4. Отношения руководителей государственных организаций (какую бы коммерциализированную форму они ни принимали) с директорским корпусом и частными собственниками.
5. Характер дальнейшей трансформации складывающихся ныне отношений собственности.

III. Управление обществом.

1. Направление развития политического строя и цели субъектов общественной (экономической и политической) жизни.
2. Субъекты политической деятельности и их развитие.

IV. Национально-государственные отношения.

1. Природа и факторы национально-этнических конфликтов.
2. Динамика национально-этнических конфликтов.
3. Варианты национально-государственного устройства и экономического взаимодействия национально-государственных единиц (при ином варианте развития — регионов, административно-государственных единиц).

V. Социальные отношения и конфликты.

1. Социальная мобильность населения.
2. Социальная политика и социальные программы.
3. Диапазон и масштабы социальных конфликтов.
4. Самоидентификация личности.
5. Уровень жизни населения.

Наш авторский коллектив изначально не предполагал разрабатывать пропорциональную выборку элиты. То число людей, которое было опрошено (около 70), позволяет сделать только типологическую выборку. Но при любых условиях разработать пропорциональную выборку элиты было бы очень сложно. Во-первых, неизвестна структура элиты. Во-вторых, неизвестна даже приблизительно ее общая численность. Вопрос о самом отнесении того или иного человека к элите может вызвать споры, особенно по отношению к лицам, занимающим низкий уровень в иерархии или официально не признанным.

Поэтому мы ориентировались на выборку определенных типов сознаний, используя следующие критерии. Во-первых, нужно было опросить представителей правящей и неправящей элиты. При этом под правящей элитой мы понимали тех, кто непосредственно выполняет властные функции в органах представительной и исполнительной власти. Во-вторых, нужно было опросить и представителей основных сфер общественной жизни: политической, экономической, религиозной, сферы искусства и литературы. Однако от опроса деятелей искусства и литературы сразу же пришлось отказаться, поскольку такой опрос значительно увеличил бы объем выборки. Представители различных религиозных конфессий и силовых министерств от участия в опросе уклонялись. Первые — по религиозным соображениям, вторые — из-за отсутствия, по их мнению, необходимых знаний.

В результате мы включили в состав выборки представителей законодательной и исполнительной власти, политических деятелей — активных функционеров партий и движений, не стоящих у власти, руководителей значимых в обществе средств массовой информации, крупных предпринимателей и банкиров, известных ученых в области общественных наук. Кроме того, в опросе выразили желание участвовать четверо зарубежных ученых. Таким образом, в нашей выборке представлена политическая элита (правлящая и неправящая), интеллектуальная элита (научная и журналистская), бизнес-элита.

Результаты наших исследований по бизнес-элите как части большого проекта позволили включиться в международный исследовательский проект: «Лидеры бизнеса: путь к карьере, мотивация и мировоззрение». Этот проект создан решением международной конференции «Элиты изменяющихся систем в Центральной и Восточной Европе», проходившей в Яблоне, Польша (12—14 августа 1995 г.), и создана группа для его осуществления из представителей шести стран: Россия — канд. филос. наук. Л.В. Бабаева (Институт социологии РАН); Великобритания — проф. Дэвид Лэйн (Эммануэл колледж); Польша — проф. Владимир Весоловский (Институт философии и социологии Польской академии наук); Венгрия — проф. Пал Тамаш (Институт исследования социологии конфликтов Венгерской академии наук); Чешская Республика — проф. Зденка Мансфелдова (Институт социологии Чешской академии наук); Германия — проф. Здислав Краснодобский (Бременский Университет).

Цель проекта изучить роль крупнейших бизнесменов в экономической и социальной жизни каждой из стран, по возможности проследив влияние особенностей приватизации, экономической и финансовой политики в каждой из них на формирование и консолидацию бизнес-слоя и на его экономические позиции и экономическое поведение. Этот проект рассчитан на 1996—1998 гг.